

Философско-правовые проблемы современной уголовной политики

И. М. Рагимов,

доктор юридических наук, профессор,
иностраный член Российской академии наук,
заслуженный юрист Азербайджана,
президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона.

Адрес: Ассоциация юристов Черноморско-Каспийского региона,
AZ 1069, Азербайджанская Республика, г. Баку, проспект Ататюрка, д. 128.

E-mail: professorilhamragimov@gmail.com

Х. Д. Аликперов

доктор юридических наук, профессор,
директор Центра правовых исследований.

Адрес: Центр правовых исследований,
AZ 1073, Азербайджанская Республика, г. Баку,
ул. Микаила Мушвига, д. 2, офис 17.

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Philosophical and Legal Problems of Modern Criminal Policy

I. M. Ragimov

Doctor of Law, Professor,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
President of the Association of Lawyers of the Black Sea Caspian region.

Address: Association of Lawyers of the Black Sea Caspian region,
128 Ataturk Avenue, Baku, AZ 1069, Republic of Azerbaijan.

E-mail: professorilhamragimov@gmail.com

Kh. J. Alikperov

Doctor of Law, Professor,
Director of the Center for Legal Studies.

Address: Center for Legal Studies,
office 17, 2 Mikayil Mushfig Street, Baku, AZ 1073, Republic of Azerbaijan.

E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Поступила 20.02.2025 Принята к печати 06.03.2023

Аннотация

Данная статья представляет собой реферативный обзор некоторых фундаментальных проблем современной уголовной политики и ее подсистем. Как отмечают авторы, во многих странах мира государственная стратегия противодействия преступности определяется посредством уголовной политики, в рамках которой устанавливаются принципы, цели, задачи и духовно-нравственные основы деятельности органов суда, уголовного преследования и пенитенциарных учреждений в процессе предупреждения преступлений, их раскрытия и расследования, судебного разбирательства уголовных дел и исполнения наказания, назначенного судом. В ее рамках также выстраивается стратегия нормативных основ противодействия преступности и определяется организационно-управленческий инструментарий, обеспечивающий нормальное функционирование правоохранительных органов. Она формируется на основе принципов и норм Конституции и других законов страны, международных стандартов и взятых государством на себя перед международным сообществом обязательств. По мнению авторов, в современной теории уголовной политики существует много нерешенных вопросов превентивного, аксиологического, методологического, организационно-управленческого и иного характера. Авторы отмечают необходимость пересмотра существующей

ющей государственной стратегии противодействия преступности и предлагают возможные направления для дальнейшего ее совершенствования.

Ключевые слова: преступление, наказание, законодатель, суд, обвинительный приговор, правоприменитель, пенитенциарное учреждение, дух закона; противодействие преступности; государственная стратегия

Abstract

This article is an abstract review of some fundamental problems of modern criminal policy and its subsystems. As the authors note, in many countries of the world, the state strategy for countering crime is determined through criminal policy, which establishes the principles, goals, objectives and spiritual and moral foundations of the activities of judicial authorities, criminal prosecution and penitentiary institutions in the process of crime prevention, detection and investigation, trial of criminal cases and execution the punishment imposed by the court. It also builds a strategy for the regulatory framework for countering crime and defines organizational and managerial tools that ensure the normal functioning of law enforcement agencies. It is formed on the basis of the principles and norms of the Constitution and other laws of the country, international standards and obligations assumed by the State to the international community. According to the authors, there are many unresolved issues of a preventive, axiological, methodological, organizational, managerial and other nature in the modern theory of criminal policy. The authors note the need to review the existing state strategy for combating crime and suggest possible directions for its further improvement.

Keywords: crime, punishment, legislator, court, conviction, law enforcement officer, penitentiary institution, the spirit of the law; crime prevention; state strategy.

Традиционно концепция уголовной политики разрабатывается по принципу симфонического оркестра, в котором (*представим гипотетически*) музыканты – это органы правоохраны, ноты (партитура) – нормативные правовые акты в сфере противодействия преступности, а дирижер – государство, определяющее стратегию деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности, координирующее их работу, силы и средства, вовлеченные в этот процесс.

Из приведенной выше аллегории следует, что деятельность правоохранительных органов (а их в стране свыше десяти), непосредственно участвующих в противодействии преступности, трудно представить без уголовной политики [13] как руководящих начал этой деятельности – точно так же, как сложно представить автомобиль без двигателя и топлива.

В последние несколько столетий в теории права криминального цикла проблемам уголовной политики уделяется пристальное внимание. Этим вопросам посвящены многие фундаментальные труды дореволюционных (М. Духовской, Н. Неклюдов, М. Чубинский, И. Фойницкий и др.), советских (Н. Беляев, П. Дагель, В. Кудрявцев, Г. М. Миньковский и др.), российских (А. Арямов, С. Босхолов, А. Коробеев, Р. Курбанов, А. Чучаев и др.) и зарубежных (Э. Дюркгейм, М. Ансель, Ф. Лист, А. Фейербах и др.) ученых-юристов, а также представителей стран постсоветского пространства (И. Исмаилов, Азербайджан; В. Хомич,

Беларусь; К. Балтабаев, Казахстан; и др.) [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 15].

Однако при всем богатстве и весомости научных разработок, накопленных в сфере уголовной политики за истекший 221 год со дня введения А. Фейербахом¹ в научный оборот данного термина, ее контент, представленный сегодня в работах по данной проблематике, не в полной мере отвечает современным реалиям преступности и достижениям философско-правовой мысли. Достаточно сказать, что в теории уголовной политики по сей день нет единства во мнении как относительно самого понятия «уголовная политика», так и ее целей и задач.

Много проблем и в ее подсистемах. К примеру, в теории уголовно-правовой политики остаются не до конца исследованы понятия «наказание» [12], «преступление» и связанные с ним явления – внешние формы его проявления, стадии совершения и т. д. Что касается существующих на сегодняшний день подходов к определению преступления, они, мягко говоря, достаточно амбивалентны, так как одна их часть не имеет под собой убедительных обоснований, поддающихся верификации (например, утверждение, что деяние может быть выражено и в форме бездействия), другая вступает в грубое противоречие с

¹ Как известно, основу теории уголовной политики заложил Франц фон Лист в 1888 г. в своей книге «Задачи уголовной политики».

лингвистическими (в том числе логико-семантическими) законами русского языка (например, публично высказанное слово, мнение, позиция есть разновидность деяния) и т. д.

Поэтому сегодня трудно сказать, что уголовно-правовая политика располагает целостным учением о преступлении. В частности, о какой монолитной теории по рассматриваемому вопросу может идти речь, если до сих пор в ней нет вразумительных ответов на такие концептуальные вопросы, как «Только ли посредством деяния может быть совершено преступление?», «Возможно ли совершение преступления через недеяние?» и т. д.

Дело в том, что закрепленное в уголовном законодательстве и принятое сегодня большей частью академической среды определение этого социально-правового явления – *«виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания»* – содержит в себе принципиальные проблемы и коллизии. В частности, использованный в нем термин «деяние» даже в его широком понимании не охватывает всех форм внешнего проявления преступного поведения. К примеру, уголовные кодексы многих стран содержат свыше пятидесяти составов преступлений, которые внешне выражаются не посредством действия или бездействия, а исключительно *словом*, не воплощенным при этом в поступок, т. е. речевым средством публичного высказывания в устной форме какого-либо мнения, утверждения, призыва и т. д., адресованных тем или иным физическим или юридическим лицам. Помимо этого, судебной практике многих стран известна масса случаев, когда преступление совершалось непосредственно силой безмолвно-властного взгляда виновного, нацеленного на потерпевшего (так называемый магнетический взгляд).

Наконец, деяние не может проявляться в виде бездействия, как это вытекает из нормативного определения преступления, поскольку термин «деяние» инвариантный и означает только такое внешнее активное поведение человека, как действие, поступок и т. д. Поэтому бездействие нельзя считать ни свойством деяния, ни его синонимом. Эти термины являются различными единицами русского языка, которые качественно отличаются друг от друга и по содержанию, и по форме реализации. Словом, существующее в современном уголовном законодательстве и теории уголовно-правовой политики формально-

материальное определение понятия «преступление» носит преимущественно догматический характер. Отсюда одна из причин непоследовательности, противоречивости и устарелости его отдельных положений¹. Сказанное можно повторить и относительно существующей нормативной и доктринальной градации таких этапов становления преступления, как приготовление, покушение и законченное преступление.

На первый взгляд, постановка данного вопроса в таком ракурсе может показаться более чем тривиальной, если учесть, что в статье 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержится понятие оконченного и неоконченного преступления. Но это далеко не так. При всей ее кажущейся очевидности обозначенная проблема куда более сложная и многогранная, в силу чего она по сей день не нашла своего окончательного решения ни в законодательстве, ни в теории уголовного права, ни в уголовной политике.

С позиции криминологии такая градация является неполной, так как не охватывает всех фаз эволюции преступления в системе «человек – преступление», не учитывает другие физико-психологические и социально-правовые категории глубинного характера. В частности, в ней остается открытым ряд вопросов: во-первых, какие когнитивные процессы происходят в сознании Homo sapiens в ходе эволюции преступления до стадии подготовки к его совершению; во-вторых, какие факторы до этой стадии детерминируют возникновение и становление идеи о совершении преступления; в-третьих, что является источником таких факторов и т. д.

Серьезными проблемами страдает и действующая модель уголовного процесса. Анализ научных публикаций по уголовному процессу и уголовно-процессуальной политике показывает, что авторы этих исследований порой путают или смешивают предмет теории уголовного процесса и уголовно-процессуальной политики, в силу чего в некоторых работах трудно провести водораздел между этими двумя направлениями теории

¹ К примеру, если с господствующего сегодня в уголовно-правовой политике понятия «преступление» «стряхнуть пыль веков», освободить его от эфемерности и догматизма, то в сухом остатке мы обнаружим не гносеологические аспекты этого феномена и его онтологическую сущность, а, образно говоря, панно, в котором недостает многих фрагментов.

права криминального цикла. На наш взгляд, уголовно-процессуальная подсистема уголовной политики призвана осуществлять комплексное исследование фундаментальных проблем противодействия преступности посредством уголовно-процессуальных средств, а не заниматься вопросами реализации отдельных институтов уголовного процесса либо совершенствования его норм – это прерогатива теории уголовного процесса.

Что касается уголовно-процессуальной политики государства, то считаем, что она, помимо всего прочего, призвана на философском, социологическом и психологическом уровнях осуществлять комплексное исследование фундаментальных проблем уголовно-процессуальной политики. В частности, на философском уровне необходимо рассматривать гносеологическую природу и онтологические аспекты бытия уголовно-процессуальной политики с целью выявления исходных причин ключевых проблем уголовного процесса, которые негативно влияют на те или иные стадии уголовного судопроизводства, в том числе выступают катализаторами грубых нарушений, допускаемых при принятии процессуальных решений или осуществлении тех или иных процессуальных действий в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства.

Этот фактор составляет ядро наблюдающегося в некоторых странах СНГ кризиса законности в уголовном судопроизводстве.

На социологическом уровне крайне важно выявить глубинные пласты истоков недоверия определенной части населения к торжеству справедливости при отправлении правосудия по уголовным делам, что существенно снижает аксиологический потенциал правосудия по формированию в обществе правопослушного поведения.

На психологическом уровне задача видится в комплексном исследовании социально-психологических и кросс-культурных факторов, отрицательно воздействующих на правосознание и правовую культуру должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, суда и подсознательно формирующих у дознавателя, следователя и судьи обвинительный уклон при расследовании преступлений и отправлении правосудия по уголовным делам.

Этот далеко не полный перечень предмета исследования теории уголовно-процессуальной политики государства должен выступать тем водоразделом, который четко отграничивает ее от теории уголовного процесса.

В целом же для формирования оптимальной системы уголовно-процессуальной политики государства, выступающей двигателем реализации уголовной политики в целом (*формой жизни уголовного права* – К. Маркс), необходимо предварительно пересмотреть действующую на постсоветском пространстве смешанную форму уголовного процесса, которая сегодня во многом устарела, в силу чего не в полной мере отражает потребности уголовного преследования и отправления правосудия по уголовным делам.

Сошлемся лишь на один пример. Так, в действующем на постсоветском пространстве типе уголовного процесса смешаны функции органов уголовного преследования и предварительного следствия, в силу чего следователь необоснованно признается субъектом уголовного преследования, т. е. стороной обвинения в уголовном процессе. Это в корне противоречит смыслу предварительного следствия и базовым функциям следователя, который обязан лишь объективно и беспристрастно установить все обстоятельства совершенного преступления, scrupulously исследовать его объективные и субъективные свойства, в том числе личность потерпевшего и предполагаемого виновного, их роли в возникновении криминального конфликта, поведение до и после совершения преступления и т. д., после чего вместе со своим итоговым заключением по делу представить прокурору материалы предварительного следствия.

В концепции смешанной формы уголовного процесса существует и много других фундаментальных изъянов – например, почему следователь, а не государственный обвинитель составляет по делу обвинительное заключение; насколько оправдано то, что в ходе судебного разбирательства помощник районного прокурора от имени государства обвиняет подсудимого в совершении преступления. Ведь государство не может публично и в императивной форме обвинять гражданина в совершении преступления, вина которого еще не установлена судом. Насколько это вяжется с презумпцией невиновности?

Если в рассматриваемом вопросе пойти от противного, то в этом случае государство обязано учредить институт государственной защиты обвиняемого, тем самым восстановив баланс прав потерпевшего и обвиняемого, а также их

равенство перед законом, как это провозглашено в конституциях стран СНГ¹.

Увы, примеров, подобных вышеприведенным, предостаточно, но суть их одна – необходимо пересмотреть действующую форму уголовного процесса. Считаем, что настала пора вернуться к истокам уголовного судопроизводства, создав принципиально новый тип уголовного процесса – *«Евразийский уголовный процесс»*, матрица которого должна базироваться на непреходящих ценностях Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и современных достижениях уголовно-процессуальной мысли.

Много нерешенных проблем и в сфере уголовно-исполнительной политики. Отметим, что пришло время там, где есть возможность, передислоцировать исправительные колонии в сельские местности и обеспечить заключенных работой на земле по выращиванию полезных культур. Нельзя забывать, что каким бы нравственно запущенным ни был осужденный, его отвлечение от хронического безделья в период пребывания в пенитенциарном учреждении, вовлечение в повседневную общественно-полезную работу, в том числе посредством соприкосновения с матушкой-природой, рано или поздно, но обязательно запустят ростки процесса перелома его «я»².

Сохраняется немало серьезных проблем и в превентивной политике государства в сфере противодействия преступности. К примеру, мы разрушили советскую систему профилактики правонарушений, а взамен так и не создали равные ей по эффективности общественные институты.

¹ Уместно отметить, что на заре Советской власти большевики приняли Декрет ВЦИК № 2 от 7 марта 1918 г. «О суде», на основе которого была учреждена организация коллегий правозаступников при Советах рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Правозаступничество осуществлялось в форме общественного обвинения и общественной защиты. Коллегии были едиными для общественных обвинителей и общественных защитников. При этом представитель общественного обвинения выступал в суде от имени не государства, а своей организации. Подробно см.: Декреты Советской власти. – Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.

² В рамках реформы этой подсистемы целесообразно пересмотреть и процедуру реализации института условно-досрочного освобождения. Правоприменительная практика в рассматриваемой сфере показывает, что необходимо ограничить роль администрации колонии в этом вопросе, так как ее полномочия в данном процессе часто превращаются в рассадник взяточничества со стороны отдельных сотрудников исправительных колоний.

Речь, в частности, идет о добровольных отрядах народных дружинников, опорных пунктах полиции (в советское время – милиция), товарищеских судах и т. д. С их роспуском было существенно ограничено участие общественности в противодействии преступности.

В криминологической подсистеме уголовной политики не до конца исследованы и фундаментальные причины преступности. К примеру, новые достижения философско-правовой мысли в рассматриваемой сфере свидетельствуют о том, что причины преступности, можно сказать, «не от мира сего» и гнездятся в самом человеке. По этой причине настала пора пересмотреть набившую оскомину роль социальных факторов в причинном комплексе и заглянуть за горизонты господствующих воззрений на патогенез преступности, т. е. перейти в иную плоскость мышления, так как существующие в науке расплывчатые воззрения на эту проблему в своем большинстве представляют собой лишь вершину айсберга и отражают лишь придаточные корни рассматриваемого феномена.

На наш взгляд, корни причин преступности находятся не в том пласте преступноведческой почвы (социальные факторы), дойдя до которого, отдельные криминологи восприняли их как истоки причин преступности. На самом деле опорой корневой системы причин преступности являются абсолютно иные факторы. В силу изложенного причины преступности нельзя списывать только на комплекс издержек общества (экономических, социальных и т. д.). По нашему мнению, они являются лишь детерминантами преступности³.

Наряду с политико-правовыми проблемами современной уголовной политики есть и широкий перечень нерешенных философско-правовых вопросов. Так, по сей день в ней не еще становились предметом междисциплинарного исследования такие фундаментальные причины индивидуального преступного поведения, как прекариат, гендерный дисбаланс в обществе, демографическая экспансия и преступность гастарбайтеров, как и многие другие вызовы современности. Между тем, как показывает правоприменительная практика, все эти опасные негативные фак-

³ Авторы не ставят знак равенства между словосочетаниями «детерминанты преступности» и «причины преступности», так как они носят принципиально разную смысловую нагрузку.

торы крайне отрицательно влияют на криминогенную ситуацию в обществе.

Среди философско-правовых проблем уголовной политики необходимо выделить и подробно рассмотреть ранее не исследованные катализаторы возникновения преступной мотивации. Например, правоприменительная практика показывает, что часто процесс формирования индивидуального преступного поведения запускается не только по зову таких низменных побуждений, как корысть, похоть, месть и т. д., но и под натиском такого ноумена, как *межбытие*, и производных от него назойливых идей и навязчивых поступков криминального характера [1].

По сей день за рамками уголовной политики остается и комплекс аксиологических проблем правоприменения в сфере противодействия преступности. Между тем, как известно, от нравственных основ в правоприменительной деятельности сотрудников, вовлеченных в процесс противодействия преступности, во многом зависит как результативность комплекса мер, реализуемых в ходе этого процесса, так и отношение социума к правоохранительным органам. Учитывая это, необходимо сквозь призму морально-нравственных скреп права и фундаментальных ценностей общества рассмотреть и затем разработать комплекс упреждающих мер, которые, перефразируя Ф. Ницше, способны минимизировать случаи, когда сотрудники, участвующие в противодействии преступности как крайней форме зла, сами со временем становятся непосредственным источником подобного зла как вечного спутника человечества.

Все это свидетельствует о целесообразности дополнения уголовной политики новой подсистемой, в рамках которой следует осуществить комплексное исследование причин злоупотребления полномочиями со стороны должностных лиц, вовлеченных в процесс противодействия преступности, и выработать комплекс мер по их предупреждению.

В современной теории уголовной политики существуют и нерешенные вопросы сугубо методологического характера. В частности, по неизвестной причине некоторые специалисты в рассматриваемой сфере не включают в архитектуру ее подсистем оперативно-розыскную деятельность, хотя она является стержнем противодействия преступности. Вместо этого предлагается дополнить уголовную политику криминалистической подсистемой, что нельзя признать верным шагом, так как видится, что подсистемами уголов-

ной политики должны быть признаны лишь те однородные автономные виды деятельности правоприменителей в сфере противодействия преступности, принципы, цели и задачи которых определяются на законодательном уровне.

Наряду с этим есть необходимость задуматься и над существующими в уголовно-правовой науке правилами деления уголовной политики на автономные подсистемы, которое в настоящее время осуществляется прежде всего с учетом отраслей законодательства, регулирующих взаимосвязанные однопорядковые или схожие общественно-правовые отношения в сфере противодействия преступности, – т. е. уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, превентивной и т. д. В частности, может оказаться целесообразным объединить первые три подсистемы в одну укрупненную подсистему и назвать ее, к примеру, *«Нормативная правовая подсистема уголовной политики»*, добавив к существующим в ней и оперативно-розыскную деятельность.

Наконец, настала пора пересмотреть государственную стратегию противодействия преступности, так как она давно достигла точки бифуркации, в силу чего по многим параметрам не отвечает насущным потребностям в рассматриваемой сфере. Качественные изменения, наблюдаемые сегодня в структуре и динамике регистрируемых преступлений, диктуют необходимость в разработке и принятии на вооружение несимметричных методов противодействия преступности, при которых совершение преступления станет не только невыгодным, но и бессмысленным, поскольку потенциальный преступник будет знать, что его незамедлительно вычислят и задержат после содеянного. Причем очевидность этого должна быть настолько убедительной, чтобы она подсознательно пробуждала инстинкт самосохранения даже у отъявленного злодея при возникновении у него мысли о совершении преступления.

Существует немало проблем и в организационно-управленческих вопросах государственной политики противодействия преступности, при решении которых уголовная политика обрела бы официальный статус и транспарентность¹.

¹ В качестве примера здесь можно сослаться на Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О Стратегии национальной безопасности», утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 2 февраля 2021 г. № 400.

К примеру, по сей день не установлен субъект государственной власти, который принимает уголовную политику, определяет ее цели и задачи на перспективу. Не решен и вопрос о трансформации уголовной политики в материальную оболочку в виде как минимум политико-правового манифеста государства.

Среди организационно-управленческих проблем уголовной политики следует выделить и вопросы кадрового обеспечения органов правоохраны. Если в системе МВД, прокуратуры, Следственного комитета и т. д. этот вопрос более или менее решается, то этого нельзя сказать относительно пенитенциарных учреждений. Так, в системе ФСИН функционирует около десяти высших специализированных учебных заведений, однако ни в одном из них не готовят специалистов по пенитенциарной психологии как одной из сложнейших областей прикладной психологии, знания о которой крайне важны для сотрудников исправительных колоний, в особенности для тех, которые руководят в них отрядами заключенных, и играют исключительно важную роль в ресоциализации осужденных. Согласно определению Международной ассоциации пенитенциарной психологии, пенитенциарная психология – это «научная дисциплина и область профессиональной

практики, изучающая поведение человека в контексте правосудия» [14]. С позиции Российской ассоциации пенитенциарной психологии, пенитенциарная психология – это «отрасль прикладной психологии, изучающая особенности функционирования личности человека в местах лишения или ограничения свободы, а также психологические аспекты деятельности субъектов правосудия» [14]. По связанной с этой дисциплиной специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» студенты обучаются только в Академии ФСИН России в Рязани, что, естественно, недостаточно, учитывая количество пенитенциарных учреждений в России.

Этот реферативный обзор некоторых фундаментальных проблем современной уголовной политики и ее подсистем демонстрирует существующие направления для дальнейшего совершенствования государственной стратегии противодействия преступности, а возможно, и для разработки новой ее концепции, которая отвечала бы современным вызовам в сфере борьбы с преступностью и соответствовала бы насущным потребностям правоохранительных органов, непосредственно участвующих в процессе противодействия преступности.

Список литературы

1. Аликперов Х. Д. Межбытие как источник генерации преступной мотивации. – СПб. : Издательство «Юридический центр», 2025.
2. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – Л., 1986.
3. Босхолов С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. – М., 2004.
4. Гальперин И. М., Курляндский В. И. Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения. Основные проблемы борьбы с преступностью. – М., 1975.
5. Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. – СПб., 1910.
6. Дагель П. С. Проблемы советской уголовной политики. – Владивосток : ДВГУ, 1982.
7. Исмаилов И. А. Уголовная политика и преступность. – Баку : Азернешр, 1990.
8. Коробеев А. И., Усс А. В., Голик Ю. В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991.
9. Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Уголовная политика. – М. : Юрист, 2010.
10. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. – М. : Инфра-М, 2023.
11. Панченко П. Н. Уголовная политика как политика решающего наступления на преступность. – М., 2022.
12. Рагимов И. М. Преступность и наказание. – СПб. : Издательский дом Р. Асланова «Юридический центр», 2018.

13. *Рагимов И. М.* Философия преступления и наказания. – СПб. : Издательский дом Р. Асланова «Юридический центр», 2013.
14. *Чернышева Е. В.* Пенитенциарная психология. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023.
15. *Чубинский М. П.* Очерки уголовной политики. – СПб., 1906.